

© 2017 г.

О.В. ЧЕРНЫШЕВА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СКАНДИНАВИСТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX века

Чернышева Ольга Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Выражаю благодарность руководителю Центра истории стран Северной Европы и Балтии к.и.н. А.А. Комарову за ценные уточнения и дополнения к тексту.

На рубеже 2015–2016 гг. мне довелось дать интервью о развитии отечественной скандинавистики блогеру к.и.н. Аркадию Рябиченко. Интервью вызвало интерес читателей, но, как оказалось, для большинства из них это была совершенно неведомая история. Например, многие с удивлением узнали, что популярный в конце XX в. автор многих книг по кулинарии В.В. Похлёбкин был в действительности известным историком, автором многих книг и статей по истории скандинавских стран и Финляндии и их взаимоотношений с Россией. Это побудило меня написать немного подробнее, чем было сказано в интервью, о тех событиях, коим я была свидетелем, а в ряде случаев и их участником¹.

СКАНДИНАВСКИЙ СБОРНИК

Интерес к истории и общественной жизни скандинавских стран имеет в нашей стране давние традиции, которые объясняются историческим соседством и тесными отношениями. На протяжении многих столетий между скандинавскими странами и народами, населяющими нашу страну, существовали многообразные экономические, политические и культурные связи. Это обусловило внимание ученых различных специальностей, общественных деятелей, дипломатов и журналистов к истории, праву, литературе и языку, географии и искусству, нравам и обычаям скандинавов. За несколько столетий в России и Прибалтике накопилось множество разного рода материалов и наблюдений в этой области, образовалась база для научного исследования разных сторон общественной жизни Скандинавии. Появились переведенные со скандинавских языков и оригинальные труды по этим вопросам, сложились определенные традиции. Однако научные исследования скандинавской проблематики до середины XX в. оставались немногочисленными и, главное, разрозненными и тематически случайными.

¹ Подробнее о развитии скандинавистики, включая филологию, фольклористику, культурологию и др., а также о школах и научных центрах, занимавшихся этой проблематикой в различных регионах бывшего СССР в течение всего XX в. (в Петербурге — Ленинграде — Петербурге, Москве, Риге, Тарту, Петрозаводске), см. доклад проф. А.С. Кана (Институт истории Упсальского университета, Швеция) «Советская и постсоветская историческая нордистика: первые итоги». — Россия и Северная Европа. К итогам XIV конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск — Москва, 2001.

Именно тогда А.С. Кан впервые предложил вместо понятия «скандинавистика», не используемое в самих изучаемых странах, международное, но в русском обиходе еще не принятое, более широкое понятие «нордистика», ставящее на равное место нескандинавскую часть западноевропейского Севера — Финляндию.

Перелом в отечественной скандинавистике обозначился в первое послевоенное десятилетие. В 1953 г. в Тартуском университете возникла идея приступить к систематическому изучению соседних с нами стран Северной Европы, взаимоотношений наших народов. Базой исследований этого направления должны были стать архивохранилища и библиотеки Тарту, Таллина, Москвы, Ленинграда, Риги, Петрозаводска. Особая роль при этом отводилась имеющимся уже научным кадрам, никак не связанным между собой, но имеющим опыт научных исследований в этом направлении.

В 1954 г. эта идея прозвучала на Всесоюзном московском совещании историков нового времени, где была поддержана специалистами по скандинавской истории. Одновременно обсуждалась идея создания регулярного тематического издания, которое могло бы объединить специалистов-скандинавистов.

В 1950-е годы регулярной подготовки молодых исследователей-скандинавистов никто не вел, кроме, может быть, лингвистов в Ленинграде, где работал известный ученый Михаил Иванович Стеблин-Каменский, сформировавший школу литературоведов и лингвистов, также специалистов готовил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР (МГИМО). На огромной территории тогдашнего СССР не было какого-либо организационного или координационного центра исследований истории Скандинавии и российско-скандинавских отношений. Но одновременно были известные историки, экономисты, географы, литературоведы, языковеды и другие специалисты в Москве, Ленинграде и других городах России, в Эстонской ССР и других республиках Советского Союза, работавшие в различных направлениях скандинавистики.

В начале 1950-х годов выпускник МГИМО Вильям Васильевич Похлёбкин занимался исследованиями в архивах Таллина и Тарту. В ходе работы он познакомился с сотрудниками кафедры всеобщей истории Тартуского университета. По его словам, именно он предложил идею издания «Скандинавского сборника», поддержанную этой кафедрой и руководством университета. Подтверждают это воспоминания Е.А. Ворожейкина о В.В. Похлёбкине².

Евгений Александрович Ворожейкин познакомился с Похлёбкиным в 1946 г., когда поступил учиться в МГИМО. Похлёбкин, которому тогда был 21 год, был уже на втором курсе. До начала войны он успел получить хорошее образование по немецкому языку, искусствоведению, истории и другим наукам. Как пишет Евгений Александрович, его внимание сразу же привлек недавний солдат-фронтовик, бывший конный разведчик, который выделялся среди сокурсников своей образованностью. Но это первое знакомство в студенческом кружке по географии зарубежных стран не переросло в то время в какие-либо близкие отношения или дружбу.

Лишь в 1956 г., Ворожейкин уже работал в МИД СССР, вернувшись в Москву из длительной командировки в Швецию, их сблизила исследовательская работа по странам Северной Европы. Похлёбкин к тому времени защитил кандидатскую диссертацию по внешней и внутренней политике Норвегии накануне Второй мировой войны и стал научным сотрудником в Институте истории АН СССР. Он активно работал в архивах, написал несколько брошюр и немало статей по новой и новейшей истории Скандинавских стран и Финляндии, сотрудничал в различных журналах.

«Ко времени этой нашей встречи — пишет Ворожейкин, — относится завершение героической эпопеи создания Похлёбкиным “Скандинавского сборника”, научного издания, в котором публиковались статьи и материалы советских и иностранных авторов по самой различной скандинавской тематике (история, политика, экономика, этнография, археология, философия, культура и т.д.). Героической я называю эту

² *Ворожейкин Е.А.* Сила и беззащитность таланта. — Северная Европа. Проблемы истории, 2007, № 6.

Ворожейкин Евгений Александрович — пресс-атташе и советник посольства СССР в Швеции, в 1960–1980-е годы — сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, затем научный сотрудник Института Европы РАН и заместитель председателя Общества друзей Швеции.

удавшуюся попытку объединить скандинавистов потому, что это было чрезвычайно трудным делом, как в организационном, так и в финансовом отношении. Но сборник начал тем не менее регулярно выходить с 1956 г. в Тарту примерно один раз в год на базе Тартуского университета. Главным редактором стал Похлёбкин. ...Создание «Скандинавского сборника» не обошлось без курьезов. В организационной суете забыли получить лицензию Главлита, и сборник, как оказалось, несколько лет выходил без разрешения, что по тем временам было большим ЧП. Август (этим именем называл себя сам Вильям Васильевич) [его полное имя было Вильям-Август. — О.Ч.], пережил тяжелые дни, когда это обнаружилось, но все обошлось»³.

Следует отметить, что все благополучно закончилось для Похлёбкина только благодаря вмешательству Евгения Александровича, который сам называет себя в цитируемых воспоминаниях «практическим работником в области советско-шведских отношений». По законам того времени любая печатная продукция должна была пройти цензуру и иметь соответствующее разрешение Главного управления по делам литературы и издательства (Главлит), нарушения сурово карались. Особо следует сказать, что поддержка Ворожейкина не раз спасала Похлёбкина от возможных больших неприятностей.

Я помню, как в последующие годы главный редактор «Скандинавского сборника» регулярно приезжал в Москву на Старую площадь в Скандинавский сектор Международного отдела ЦК КПСС, где после МИД работал Евгений Александрович, и предъявлял готовый к печати очередной том. Там же и я познакомилась с Е.А. Ворожейкиным, когда послала в начале 60-х годов в Тарту свою статью о рабочем движении в Швеции в предвоенные 1930-е годы. Меня пригласили к нему на встречу, он одобрил мою статью и деликатно высказал замечание, которое я помню до сих пор. Думаю, такое особо пристальное внимание было только к проблемам новейшей истории и современности.

Оценивая творческое наследие В.В. Похлёбкина, которое довольно значительно — им написано около 40 книг и брошюр и опубликовано более 500 крупных журнальных статей, — Е.А. Ворожейкин выделяет две наиболее значимые его работы. Одна из них — это исследование российско-финляндских и советско-финляндских отношений за 260 лет (1713—1973 гг.) на широком историческом фоне европейской политики и внутреннего развития Финляндии и России, где для читателя особый интерес представляет, в частности, исследование автором происхождения и развития «импортированного» из Швеции еще в начале XVIII в. «мифа о русской опасности» или «русской угрозе» Финляндии, а также убедительное опровержение широко распространенного в нашей и зарубежной литературе тезиса о «русификаторской» политике царской России в отношении Финляндии.

Другой труд В.В. Похлёбкина, особо выделяемый Е.А. Ворожейкиным в качестве значительного вклада в историческую науку, — это фундаментальное научно-справочное издание в четырех книгах «Внешняя политика России за 1000 лет в именах, датах и фактах». «Это очень ценное пособие для исследователей российской истории. Справочник содержит краткое и в то же время достаточно полное изложение договоров всех русских государств, России и СССР с IX по XX в., с четкой характеристикой исторического фона заключения договоров, точное описание чуть ли не всех 600 войн, которые вели россияне в течение тысячелетия со всеми существенными данными о целях, причинах и поводах войн, сведения об участвовавших в сражениях войсках, ходе основных операций, итогах войн и т.д. Очень жаль, конечно, что миллионная читательская публика знает В.В. Похлёбкина лишь как автора кулинарных книжек»⁴.

Вспоминая В.В. Похлёбкина, не могу не упомянуть еще об одном эпизоде, связанным с ним. В один из первых месяцев моей работы в Институте истории АН СССР (конец 1958 — начало 1959 г.), придя утром на работу, я увидела, что произошло что-то чрезвычайное: сотрудники стояли небольшими группами в коридоре и что-то горячо

³ Ворожейкин Е.А. Указ. соч., с. 290—291.

⁴ Там же, с. 294.

обсуждали. Из воспоминаний Е.А. Ворожейкина: «Помню, какую активность развил Август (сам В.В. называл себя этим именем), узнав, что многие военные и гражданские ведомства и организации готовились пышно, в общегосударственном масштабе отпраздновать в 1959 г. 250-летие Полтавской битвы. Такая демонстрация казалась ему несолидной, недостойной великой державы и нетактичной в отношении маленькой Швеции. И даже в каком-то смысле жалкой и смешной. И уж во всяком случае, не прибавляющей престижа Советскому Союзу. Август направил десятки писем в разные организации, а также в правительство и другие государственные учреждения, убеждая отказаться от этого намерения. К этой акции ему удалось привлечь какие-то общественные и научные организации. Не могу судить о том, насколько именно этот демарш оказался эффективным, но никакого пышного юбилея не было»⁵.

Скандал был в том, что эти письма в правительственные организации и другие учреждения были отправлены на официальном бланке института, которым пользуется обычно директор и, возможно, некоторые его заместители. Бланками распоряжались только секретарь дирекции и отдел кадров института. Осталось тайной, как Вильяму Васильевичу удалось их заполучить.

В 1956 г. в Таллине на русском языке вышел первый том «Скандинавского сборника». Ответственным редактором этого и последующих четырех томов был В.В. Похлёбкин, его заместителем — профессор кафедры всеобщей истории Тартуского университета Лидия Карловна Роотс. Но начиная с пятого тома (1962 г.) председателем редколлегии стала профессор Тартуского университета (вскоре — член-корр. АН ЭССР) Хильда Ивановна Мосберг. Имени В.В. Похлёбкина не было даже в списке членов редколлегии.

Под руководством Х.И. Мосберг вышли тома с V по XXII (1962—1977 гг.). В XXIII — XXXIII томах (1978—1990 гг.) редколлекцией руководил Хельмут Аугустович Пийримяэ. Последние XXXIV и XXXV тома были полностью подготовлены, но не изданы из-за распада СССР. Я была членом редколлегии с 1986 г. до конца ее существования.

Когда в 1956 г. вышел первый том «Скандинавского сборника», это было, конечно, большое событие для скандинавистов всех направлений. Он издавался на русском языке со шведским и эстонским резюме статей и рецензий. Вокруг этого издания сразу стали группироваться новые исследователи. Вместе с тем кафедра хотела взять процесс издания полностью в свои руки, а Похлёбкина отстранить, тем более что Вильям Васильевич был человеком со сложным характером, бескомпромиссный, и легко представить, что работать с ним в редколлегии было не легко. Эстонские коллеги были выдержаны, но настойчивы в своем желании освободиться от Похлёбкина: сборник издается на их базе, а тут приезжает из Москвы какой-то малоизвестный кандидат наук и всем распоряжается.

Сотрудники кафедры всеобщей истории, с которыми я со временем лично познакомилась, были очень разные. О Х.И. Мосберг и Л.К. Роотс остались самые теплые воспоминания. Они всегда радушно встречали приезжавших на заседания редколлегии, позднее — на всесоюзные конференции коллег.

После почти ежегодных поездок то на конференции, а позднее на заседания редколлегии у меня сложилось впечатление, что эстонское общество было очень неоднородным. Водоразделом служило отношение к советскому строю. Это было заметно даже на заседаниях редколлегии, нередко бурных, особенно в последние годы Советского Союза.

За более чем 30-летний период «Скандинавский сборник» выполнил свои задачи, сформулированные в его первом томе: планировалось «объединить в едином органе научные исследования советских историков-скандинавистов самого различного профиля (историков внешней и внутренней политики, хозяйства, культуры, права, языка, литературы и искусства, археологов и этнографов)... «Скандинавский сборник» будет

⁵ Там же, с. 300.

стремиться освещать историю взаимоотношений и экономических связей между народами нашей Родины и народами скандинавских стран... необходимо в дальнейшем развивать и укреплять сотрудничество и координацию научной работы советских историков с нашими зарубежными коллегами, в первую очередь с учеными-скандинавистами в скандинавских странах, а также с финскими, польскими и немецкими исследователями»⁶.

Надо сказать, что начиная в Москве в Институте всеобщей истории РАН в 1988 г. издание сборника «Северная Европа. Проблемы истории» его редколлегия стремилась сохранить лучшие традиции, сложившиеся в «Скандинавском сборнике» и продолжить дело, начатое им. В память о своем предшественнике редколлегия сохранила и во внешнем оформлении «Северной Европы» флаги пяти северных стран на обложке.

КАК Я СТАЛА СКАНДИНАВИСТОМ

В 1952 г. я поступила на исторический факультет МГУ. Моя мечта была стать историком-исследователем, и я записалась на кафедру западноевропейского средневековья. История СССР изучалась на нескольких кафедрах, по отдельным периодам отечественной истории. Это было очень интересно, но из общего курса, прослушанного в первый год обучения, у меня сложилось впечатление, что по каждому периоду есть свои авторитеты, и иметь собственное мнение будет непросто.

В начале второго курса я увидела объявление о предстоящем факультативном, т.е. для желающих, спецкурсе «История скандинавских стран в средние века», который будет читать к.и.н. Александр Сергеевич Кан.

Я записалась на этот спецкурс. О Скандинавии я знала очень мало. В старших классах школы читала А. Стриндберга, Г. Ибсена, мне нравилась музыка норвежца Э. Грига и финна Я. Сибелиуса. Пожалуй, что и все. Вместе со мной на спецкурс записалось еще четыре девушки. Молодых ребят на нашем курсе было немало, среди них несколько демобилизованных бывших участников войны, но большинство из них пошло на историю КПСС и отечественную историю, чтобы стать в будущем партийными работниками.

А.С. Кан, тоже демобилизованный участник войны, только что, в 1952 г., защитил кандидатскую диссертацию на тему «Шведские крестьяне в борьбе против феодально-помещичьего гнета (1620–1650-е годы)» и работал редактором в журнале «Вопросы истории». Спецкурс на истфаке был его первым педагогическим опытом, и он очень серьезно относился к своим преподавательским обязанностям, тем более что его отец, Сергей Борисович Кан, был известным профессором-германистом.

А.С. Кан старательно готовился к лекциям, и после каждой их них он давал список научной литературы, а в конце его обязательно что-нибудь из художественной в русском переводе. Выбор был немалый. В конце XIX – начале XX в. шведская литература была известна и популярна в России. Шведских авторов много переводили, печатали отдельными книгами, а также на страницах общественно-политических, литературных и просветительских журналов. На русском языке были изданы собрания сочинений Августа Стриндберга в 1909 и 1911 гг., Сельмы Лагерлёф в 1910–1911 гг., Густафа аф Гейерстама в 1911 г. и др.⁷ Дореволюционные издания можно было найти в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (теперь – Российская государственная библиотека) или в Библиотеке иностранной литературы.

Примерно через месяц после начала лекционного курса Кан объявил, что будет спрашивать, что же мы запомнили. Такого коварства от преподавателя никто не ожидал. Студентки нашей маленькой группы почувствовали себя, мягко скажем, неуютно. Благодаря своим очень скудным литературным познаниям я смогла хоть

⁶ Скандинавский сборник, т. I. Таллин, 1956, с. 5–6.

⁷ Подробнее см.: *Чернышева О.В.* Шведы и русские. Образ соседа. М., 2004, с. 40–41.

что-то не очень вразумительно ответить. В результате на следующей лекции я оказалась единственной слушательницей, остальные же, не пережив позора, ушли на разные кафедры.

Таким образом, я осталась одна в семинаре Кана. Он сам выбирал темы моих курсовых и дипломной работы, исходя из того, какие книги есть в Ленинской библиотеке, где у его отца-профессора был абонемент, которые могли бы стать источником, документальной базой курсовых, а потом и дипломной работы.

Семья Канов очень хорошо ко мне отнеслась, ведь я была самой первой и долгое время единственной студенткой их сына.

Со временем А.С. Кан стал приглашать меня на заседания в Институт истории АН СССР, который находился тогда на Волхонке, когда там обсуждались его работы или происходило что-либо, относящееся к Скандинавии. Никакой охраны и пропусков, по-моему, не было. Снаружи у входа в здание вешали объявление о предстоящем заседании Ученого совета и теме обсуждения.

Чаще же он приглашал меня как свою ученицу на встречи в Обществе дружбы СССР — Швеция, где бывали доклады, иногда кинофильмы, изредка выступали зарубежные гости. И я вскоре стала членом этого общества.

Со шведским языком было непросто. Ни на истфаке, ни даже на филфаке не изучали с азов шведский язык. На филфаке в тот год объявили о группе начинающих датский язык. Я туда и пошла, языки ведь родственные. Но к большому моему сожалению, филологи все первое полугодие усиленно занимались только трудной датской фонетикой. Правда, в конце семестра уже читали на датском языке «Принцессу на горошине» Андерсена. Но я поняла, что до средневековых шведских текстов я с ними не доберусь.

Шведскому языку меня учил Александр Сергеевич. На наших еженедельных семинарах мы с ним изучали законы средневековой Швеции. В каждой области страны с XIII в. были свои законы, все они были опубликованы, часть была напечатана готическим шрифтом, часть — современным. Но язык был средневековый! Кан, с детства изучавший иностранные языки, совершенно не понимал моих трудностей: «Вы же немецкий в школе изучали, теперь английский, вы должны читать все». Он объяснял мне попутно фонетику, показал, как отличить глагол от существительного в напечатанном тексте, и я начала читать со словарем, который в то время совсем не просто было купить в Москве. Если я не находила какого-то слова в словаре, Кан говорил мне: «Возьмите словарь немецкого (или французского, или латыни)».

Несмотря на языковые сложности, эти областные законы увлекли меня обстоятельной проработкой всех аспектов жизни средневекового шведа. И я даже перевела какие-то части одного из областных законов Швеции, а конкретно — Упланда (Upplandslag) для «Хрестоматии по истории средних веков»⁸. Пожалуй, это была моя первая научная публикация.

Позднее, когда я уже кончала истфак, на следующем за нашим курсе появилась небольшая группа студентов-скандинавистов, руководимая В.В. Похлёбкиным. Тогда уже были организованы и на истфаке языковые занятия по шведскому языку для студентов этой группы, которые вел выдающийся лингвист и автор словарей и учебников Владимир Дмитриевич Аракин. Он был уже немолод, к тому же работал в разных учреждениях, по этой причине занятия, на которые я стала ходить, были с перерывами. Так что своим первым учителем шведского языка я считаю А.С. Кана.

Он предложил мне для написания дипломной работы заняться историей шведского бюргерского сословия XVII в. и проследить по протоколам риксдага, как зарождались в этой среде капиталистические идеи и отношения. Выбор темы зависел от

⁸ Упландслаг. Фрагменты. — Хрестоматия по истории средних веков, т. II. М., 1963, с. 571–579.

наличия в Ленинке среди протоколов шведского риксдага за XVII в. именно тома бюргерского сословия, над этой темой я работала с увлечением. После защиты диплома меня представляли как ученицу А.С. Кана. Так я стала скандинавистом.

В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ АН СССР

Шведский язык помог мне поступить на работу: меня взяли в группу информации Отдела советской истории Института истории АН СССР, которая тогда как раз формировалась (но просуществовала совсем недолго), на должность научно-технического сотрудника. Группа должна была издавать малотиражный бюллетень для внутреннего пользования, рассчитанный на научных сотрудников, советских профессоров и академиков старшего поколения. Они были специалисты по истории, но иностранную литературу не читали. Члены группы писали подробные рефераты на изданные за рубежом книги и статьи о Советском Союзе и международных отношениях и издавали их небольшой брошюрой «для служебного пользования».

Я старалась не ограничиваться секретарскими обязанностями, находила в спецхране библиотек изданные в Швеции работы по советской истории и тоже писала небольшие аннотации. Как секретарь я ходила с подготовленной к печати брошюрой в Главлит к цензору по фамилии Бритвин для получения разрешения на публикацию. Когда меня в первый раз коллеги по группе отправили в издательство, объяснив, как найти кабинет с надписью «Бритвин», я подумала, что молодые люди меня разыгрывают.

Зарплата у начинающего сотрудника Института истории была небольшая, и я подрабатывала переводами со шведского языка. Тогда к очередному ленинскому юбилею был спрос на тему «Ленин и его связи с международным рабочим движением», в том числе и шведским. С Гостелерадио пришел заказ на небольшую статью о связях с рабочим движением Швеции. Ведь было широко известно, что в апреле 1917 г. Ленин возвращался из эмиграции в Россию через Швецию.

Я стала собирать материал о контактах Ленина со шведским рабочим движением, и оказалось, что в московских библиотеках его немало. Мой муж, Николай Павлович Коликов, на год раньше меня закончил философский факультет МГУ и работал тогда в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), как раз занимался выпиской новой литературы. Он взялся помогать мне со сбором материала. В фондах шведских газет начала XX в. можно было найти публикации о Ленине и его посещении Швеции, в том числе и о том единственном дне в апреле 1917 г., когда он был проездом из Швейцарии через Швецию и Германию по дороге в Россию. Всего день он провел в Стокгольме, в течение которого многое успел: встречался со шведскими единомышленниками и даже костюм купил в столичном универмаге «PUB».

В результате мы вместе с мужем сделали большую статью о Ленине и его влиянии на рабочих Швеции. В итоге, за два с лишним года работы у меня накопился большой материал по теме рабочего движения Швеции начала XX в. Я погрузилась в литературу этого периода, познакомилась с массой интересных мемуаров деятелей левого крыла шведского рабочего движения того времени.

В результате я решила, что стану изучать историю Швеции XX в., по которой так много источников даже в Москве, в том числе шведская периодика, хотя она вся находилась в спецхране. О длительных зарубежных научных командировках для работы в архивах и библиотеках в те времена даже и не помышляли.

В аспирантуру можно было поступать только после двух с половиной лет трудового стажа. На мое счастье, как раз к этому сроку в 1962 г. открылась возможность поступить на скандинавское направление. Сначала нужно было написать вступительный реферат. Мой был о борьбе двух течений в рабочем движении Швеции в начале XX в., из которых позже возникли две рабочие партии: социал-демократическая по европейскому образцу и левая, позднее примкнувшая к Коминтерну и сменившая название на коммунистическая.

Для того чтобы реферат был принят и я получила бы право на сдачу вступительных экзаменов, нужно было получить на него отзыв специалиста. Отдел аспирантуры Института истории⁹ рекомендовал мне обратиться к Похлёбкину. Он работал тогда в секторе новейшей истории. Внешность его была довольно своеобразной: среднего роста, худой, с большой бородой и горящим пронзительным взглядом. Этот взгляд отражал важную черту его характера, сыгравшую роковую роль впоследствии: болезненное недоверие к окружающим его людям и ожидание от них недоброжелательства или даже враждебности лично к нему.

Я отдала ему свой реферат и стала ждать отзыва. Вильям Васильевич в 1950-х — начале 1960-х годов переводил и публиковал некоторые книги по истории шведского рабочего движения раннего периода. Поэтому я надеялась, что ему будет интересно познакомиться с моим текстом. Но прошла неделя, другая, никакой реакции с его стороны.

Тогда я решила позвонить ему, объяснила, что без отзыва я не могу даже подать документы о допуске к экзаменам. Он ответил, что не может дать мне позитивный отзыв, поскольку речь у меня идет о ренегатах, и их слишком много. Ренегатами шведские коммунисты называли тех деятелей рабочего движения, которые сначала вошли в Левую социал-демократическую рабочую партию, ставшую Коммунистической, а потом, в 1920—1930-е годы, не поддержали условия вхождения в Коминтерн и в результате трех внутрипартийных расколов вернулись в Социал-демократическую рабочую партию Швеции. Среди этих «ренегатов» были, например, известный литератор Туре Нерман, политик Карл Линдхаген, один из основателей Социал-демократической левой партии Карл Чильбум, журналист и известный деятель рабочего движения Сет Хёглунд и многие другие известные политические деятели того времени. Фактически это был крупный раскол, и почти все руководство, не согласное с 21 условием вхождения в Коминтерн, покинуло эту партию. Поэтому на каждой странице у меня были «ренегаты». Мне пришлось как-то редактировать текст, чтобы этих имен было меньше. Я понимала, что затевать спор совершенно бесперспективно. И в результате Вильям Васильевич написал положительный отзыв.

В аспирантуре, не спрашивая моего желания, сразу предложили диссертационную тему по шведскому рабочему движению в 1930-е годы. В планах института тогда был (так и не вышедший) трехтомный труд по истории международного рабочего движения эпохи Коминтерна. И хотя в Архив шведской компартии, находившийся в Москве, я смогла попасть только после окончания советской эпохи, так же как и в архив компартии Швеции в Стокгольме, я попала по другим причинам значительно позже, я написала диссертацию по опубликованным материалам, благо в библиотеке ИМЛ и Ленинке были все издания рабочих партий Швеции. К тому же, между библиотеками Института научной информации по общественным наукам АН СССР и Королевской библиотекой в Стокгольме существовал налаженный книгообмен.

А.С. Кан был, конечно, несколько огорчен тем, что я ушла от средневековой тематики, но и он сам с конца 1950-х перешел к новейшей истории. С конца 1950-х годов он преподавал новейшую историю Северной Европы в МГИМО МИД СССР, и в 1964 г. вышла его книга «Новейшая история Швеции».

Вспоминая В.В. Похлёбкина, надо сказать, что он был невероятно увлекающийся человек, обладавший колоссальными знаниями. Однако он не мог работать по плану, им же самим для себя составленному. Все сотрудники Института истории, если у них в данный момент был период завершения какой-либо крупной работы и не было планового задания на следующий год, сами предлагали ту или иную тему, над которой хотели бы работать в ближайшее время. Если предложенная тема исследования встречала одобрение, то она входила в план института, потом Отделения исторических наук, и после этого сотрудник уже был обязан выполнить свой план.

⁹ До 1968 г. был единый Институт истории АН СССР, который разделился на Институт всеобщей истории (ИВИ) и Институт отечественной истории.

Вильям Васильевич запланировал работу на тему «Скандинавия в годы Второй мировой войны». Прошел год, а у него абсолютно ничего нет по заявленной теме. Но у него опубликованы статьи на другие, и притом важные, темы по истории Скандинавии, как например, «Мирное отделение Норвегии от Швеции в 1905 г.», которые, однако, никого в данный момент не интересуют. На требование написать работу по теме, утвержденной «наверху», он заявил: «Если вы мне дадите в помощь аспирантку Чернышеву, я план выполняю». Но это было просто отговоркой, так как у него была собрана только огромная скандинавская библиография по заявленной тематике и ничего больше. И моя помощь была ему не нужна.

Когда я впервые пришла к нему домой, была зима. Дверь мне открыл человек в парке — это зимняя меховая чукотская одежда с большим капюшоном — и только часть лица была открыта. Я его даже не сразу узнала. Он пригласил меня войти. Окно у него во время работы при этом было открыто настежь: полез свежий воздух. Я немного растерялась. Потом я привыкла. Я ходила к нему несколько раз, поскольку у него дома был «приемный пункт» для авторов «Скандинавского сборника». Сюда же приезжала секретарь сборника — молодая девушка по имени Сигне. Она привозила готовые экземпляры сборника и забирала новые статьи.

Похлёбкин был штатным сотрудником Института истории АН СССР, много писал и публиковал свои работы то по рабочему движению Швеции раннего периода, то по истории Финляндии, но о плане института он думал меньше всего. В результате у него начались серьезные конфликты с дирекцией, которые, в конце концов, закончились его увольнением. Сотрудники сектора новейшей истории готовы были помочь ему оформить пенсию по состоянию здоровья. Но он категорически не хотел и слышать об этом, подозревая какой-то возможный подвох с их стороны.

Из этого времени вспоминается один почти анекдотический эпизод. В разгар скандала о невыполнении Похлёбкиным плана работы и нависшей угрозы его увольнения в институте было назначено открытое партийное собрание (к Похлёбкину это собрание не имело никакого отношения).

Большой актовый зал располагался на втором этаже здания. В зале было уже полно народа, а я стояла снаружи у входа и ждала кого-нибудь из немногих тогда знакомых, чтобы спросить, могу ли я присутствовать на открытом собрании, хотя я еще не была зачислена научным сотрудником.

В коридоре показался академик Владимир Михайлович Хвостов. Он был высокого роста, крепкого телосложения, и обычно поздороваться с ним в коридоре было не так-то просто. По крайней мере, мне не удавалось, так как он, как правило, смотрел куда-то поверх голов.

Когда Хвостов приблизился к двери зала, откуда-то стремглав выскочил Похлёбкин, подпрыгнул и повис на лацканах пиджака академика. Тот не остановился в своем движении, и вошел в зал с висящем на нем Вильямом Васильевичем. Быстрее всех сориентировались два молодых сотрудника: они бросились к директору и оторвали от него Похлёбкина. Этот эпизод не был причиной его увольнения, так как все уже было решено раньше.

ВСЕСОЮЗНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ СКАНДИНАВИСТОВ

Издание «Скандинавского сборника» подготовило почву для расширения и углубления сотрудничества скандинавистов и, можно сказать, способствовало созыву I Всесоюзной конференции скандинавистов. Она состоялась в мае 1963 г. в Тарту.

Идея проведения конференции, провозглашенная редколлегией сборника, получила широкую поддержку. Сразу же откликнулись институты Академии наук в Москве, Ленинграде и Петрозаводске, кафедра скандинавской филологии ЛГУ и ряд других учреждений. Организатором I Всесоюзной конференции скандинавистов стал Тартуский университет, а председателем оргкомитета член-корр. АН ЭССР Х.И. Мосберг.

Конференция стала смотром сил отечественной скандинавистики. Она подвела итоги ее развития в первый послевоенный период, позволила определить основные направления исследований. Многие участники тогда впервые встретились друг с другом лично и познакомились.

Будучи аспиранткой, я послала заявку на выступление на конференции и получила приглашение. В программе было заявлено 60 докладчиков, которые заседали в четырех секциях: истории, экономики, языка и литературы. Конференцию открыл ректор Тартуского университета академик АН ЭССР Ф.Д. Клемент. Всего было заслушано и обсуждено 54 доклада, из них 5 на пленарных заседаниях.

В.В. Похлёбкина на конференцию «забыли» пригласить. Но он приехал. В тот момент, когда в торжественной обстановке в зале Тартуского университета собрались участники и студенты и на трибуну поднялся из президиума Ф.Д. Клемент, чтобы приветствовать собравшихся и объявить открытие конференции, дверь в зал с грохотом распахнулась, и вошел Вильям Васильевич. Он спокойно прошел в президиум и сел на освободившееся место, где только что сидел ректор. Когда же ректор закончил свое краткое приветствие, Похлёбкин направился к освободившейся кафедре, видимо, желая выступить, но президиум после небольшого замешательства объявил перерыв. Что произошло дальше, я не видела, поскольку сидела в центре зала.

После короткого перерыва начались пленарные доклады, обозначенные в программе.

На конференции был поднят ряд проблем, которые до тех пор мало или вообще не разрабатывались. Одной из них оказалась периодизация истории скандинавских стран. По этой проблеме с докладом на пленарном заседании выступил известный ленинградский историк Игорь Павлович Шаскольский, доклад которого активно обсуждался как на этом пленарном заседании, так и в следующие дни в секции истории.

На первой конференции внимание привлекали проблемы, которые стали стержневыми на последующих встречах: норманнская теория и образование государств на Европейском Севере, генезис скандинавского феодализма, проблемы шведского нейтралитета, Северная Европа в системе европейской интеграции и др. Я назвала только близкую мне историческую проблематику, а сколько интересных докладов прозвучало на конференции по вопросам экономики, культуры, литературоведения, искусства, языкознания!

Не могу сказать, что заседания секции истории проходили исключительно благостно и бесконфликтно. Оказалось, что два совершенно разных типа исследователей занимаются одной проблемой — норвежской крестьянской общиной. Сейчас я не могу даже вспомнить, в чем именно была суть их разногласия, и спросить, к сожалению, уже не у кого. Но оба с необычайной страстностью отстаивали каждый свою позицию.

С одной стороны, д.и.н., проф. Арон Яковлевич Гуревич — потомственный московский интеллигент, известный уже как авторитетный медиевист, прошедший школу академических дискуссий, а с другой — Генрих Иосифович Анохин — человек из народа, имевший с юных лет опыт выживания сначала в оккупированном Таганроге, затем в немецко-фашистском лагере, а потом и в ГУЛАГе. Анохин, что называется, «рубил с плеча», а Гуревич старался уничтожить противника тонким сарказмом. Никто не хотел уступать, и спор вспыхивал и на следующих заседаниях секции.

Вспоминая теперь, по прошествии более чем полувека, тот непримиримый конфликт двух ровесников: известного историка-медиевиста и культуролога А.Я. Гуревича (1924—2006) и географа, имевшего звание заслуженного путешественника Российской Федерации этнолога Г.И. Анохина (1925—2006) можно только предполагать, что, возможно, коллеги не определили точно эпоху, к которой они относят свое мнение о норвежской общине, а она не оставалась неизменной со временем.

Регулярные конференции отечественных скандинавистов имеют 45-летнюю историю. Немаловажная черта наших конференций — их демократизм, традиции которого были заложены на первой встрече 1963 г. и сохранялись до последней конференции в Архангельске в 2008 г.: молодые исследователи, наряду с опытными специалистами,

всегда были их полноправными участниками. Каждый имел возможность ознакомить коллег с результатами своих исследований.

Я впервые выступала на столь представительном собрании в секции истории. На той конференции еще не было подразделений историков по эпохам и специализации. Мой доклад назывался «Движение солидарности с республиканской Испанией и укрепление единства рабочего класса Швеции (1936–1939 гг.)». Рядовые члены обеих рабочих партий, образовавшихся в результате нескольких расколов в рабочем движении Швеции, в годы гражданской войны в Испании совместно активно участвовали в движении помощи испанцам в их борьбе с фашизмом, собирали деньги, оборудовали госпитали, в Испанию ехали врачи, шведские добровольцы участвовали в боевых действиях. Из 500 с лишним добровольцев домой возвратились около половины, остальные погибли на полях гражданской войны в Испании. Позже, где-то в 1970-х годах, им поставили в Стокгольме памятник из красного гранита в виде поднятой вверх сжатой в кулак руки, символизирующей единый фронт шведского рабочего движения в борьбе с фашизмом.

Мое выступление было частью кандидатской диссертации на тему «Рабочее движение Швеции накануне Второй мировой войны (1931–1939 годы)».

Уже на самой первой встрече историков в своей секции стало очевидным, что специалистов по истории Швеции достаточно, чтобы начать работу над коллективным трудом «История Швеции». Но возможные авторы коллективного труда были разобщены, жили в разных городах и даже в разных республиках СССР. Кому-то надо было взяться за их объединение. Сначала этим занялся Георгий Александрович Некрасов, известный историк внешней политики России XVIII в. и большой знаток российских архивных фондов послепетровской эпохи. Состав авторского коллектива долго и бурно обсуждался. Спорили, кто какую часть будет писать, какой объем ему потребуется, опять возвращались к периодизации. Дискуссии по этим вопросам продолжались и после окончания конференции, уже по возвращении домой.

В конце концов, авторский коллектив все же сформировался под руководством А.С. Кана. В него вошли: Г.А. Некрасов, И.П. Шаскольский, специалист по исторической географии Л.Р. Серебрянный, историки-медиевисты А.Я. Гуревич, А.А. Сванидзе, из эстонцев были Х.А. Пийримяэ и Л.К. Роотс. Были приглашены искусствоведы М.И. Безрукова и А.Е. Кроль. В авторский коллектив вошли также лингвист В.Д. Аракин, специалисты по современным проблемам Швеции работники ЦК КПСС Г.Н. Фарафонов и Е.А. Ворожейкин, экономист Э.Д. Жибицкая, историк нового времени В.В. Рогинский и многие другие. Короче говоря, большинство из тех, кто занимался тогда изучением Швеции.

В этом коллективном труде я была членом редколлегии и автором четырех параграфов в главе по XX в.: «Внутриполитическая борьба и рабочее движение 1917–1932 гг.», «Мировой экономический кризис. Внутренняя политика социал-демократии в 30-х годах», «Рабочее движение предвоенных лет. Борьба с фашизмом» и «Внутреннее положение в годы войны».

Работать было очень непросто. Современной шведской литературы в наших библиотеках было немного, а о зарубежных поездках и думать нечего. В поисках иллюстраций мы с Адой Анатольевной Сванидзе обошли московские музеи. Теперь из всего делают деньги, а тогда сотрудники отделов Исторического музея с радостью делились фотографиями из своих фондов. Мне не помнится, чтобы мы им что-то платили. По-моему было просто официальное письмо от нашего института дирекции музея, и мы получили здесь большинство иллюстраций для своей «Истории Швеции».

Очень важна была требовательность и пунктуальность ответственного редактора. Мы тщательно выверяли переводы на русский язык шведских имен и фамилий, географических названий, обсуждали их с нашими лингвистами. В результате я до сих пор сверяюсь с «Историей Швеции» как с каноническим переводом имен и топонимов, плодом труда большого коллектива ученых.

Для успешного завершения нашего проекта немалое значение имело то, что в институте это было время относительной стабильности: с 1968 по 1974 г. в структуре института была группа по истории скандинавских стран и Финляндии, руководимая А.С. Каном. И это облегчало решение всех возникавших технических проблем.

Книга вышла в свет в издательстве «Наука» в 1974 г. и была первой из ряда наших монографий, посвященных истории стран Скандинавии. В Швеции на наш труд было опубликовано много рецензий, первая из которых, написанная Ингмаром Ольдбергом, вышла в первом номере журнала «Хистуриск Тидскрифт» за 1976 г. Несколько позднее мы думали даже о втором издании «Истории Швеции», учитывая изменения, произошедшие как в жизни самой Швеции, так и в наших возможностях в доступе к архивам и библиотекам. Но в конце 80-х А.С. Кан уехал на постоянное жительство в Швецию, наша скандинавская группа распалась как административная единица и авторский коллектив было уже не собрать. Так что издать новый вариант «Истории Швеции» не удалось.

Но надо сказать, что за время, прошедшее с выхода в свет нашей «Истории Швеции», на русском языке были изданы хорошие переводы шведских книг. Например, перевод книги «История Швеции» (М., 2002) трех шведских авторов — Я. Мелина, А.В. Юханссона и С. Хеденборг. Она снабжена обстоятельным справочным аппаратом и осуществлена в переводе Наталии Сергеевны Плевако — специалиста по современной истории Швеции. Но отечественных работ обобщающего характера, к сожалению, за эти 40 с лишним лет так и не появилось, хотя вышло много отдельных монографий по различным проблемам истории и культуры Швеции. Коллектив скандинавистов ИВИ издал в 1980 г. «Историю Норвегии» и в 1996 и 1998 гг. двухтомную историю Дании (обе — в издательстве «Наука»).

Александр Сергеевич приглашал меня принять участие в работе по истории Норвегии, но я в тот момент была увлечена работой по теме «Швеция в годы Второй мировой войны: экономика, политика, рабочее движение», легшей впоследствии в основу моей монографии, ставшей докторской диссертацией с тем же названием. («Наука», 1980).

За лето 1971 г. я прочла шесть томов ежегодника Социал-демократической рабочей партии Швеции за период Второй мировой войны, которые привозил мне на дачу муж из библиотеки. В этих толстенных небольшого формата книжках были собраны все законопроекты и их предварительные обсуждения. Социал-демократы были тогда у власти. А кроме того, имелась развернутая хроника событий с иллюстративным материалом о каждом дне прошедшего года. Прочитанное я пересказывала мужу, когда он возвращался с работы, и таким образом у меня в голове была уже готовая монография, оставалось только поработать с научной литературой. Поэтому мне очень не хотелось отрываться и переключаться на историю Норвегии.

Но в подготовке «Истории Дании» мне все же пришлось принять участие. Я была назначена ответственным редактором первого тома этого издания директором института академиком Александром Огановичем Чубарьяном. Участники авторского коллектива ссорились между собой, и директор назначил меня ответственным редактором, чтобы завершить, в конце концов, этот «долгострой». Так вышло, что в процессе работы мне тоже приходилось вступать в конфликт с некоторыми авторами, желавшим использовать свои опубликованные и несколько устаревшие работы или, что еще хуже, кто-то хотел опубликовать непроверенные архивные материалы.

Середина 1990-х годов было непростое время. После почти обожествления образа вождя революции наступило отрезвление, и началась повсеместная переоценка ценностей еще не очень отдаленного с исторической точки зрения прошлого. И на этой волне некоторые авторы нашего издания стремились внести свою лепту в развенчание образа. Мне пришлось противостоять такой «политизации», тем более что к истории Дании это никак не относилось, но автор настаивал на основании того, что это документы архива. Я же считала и продолжаю так думать, что архивные материалы требуют от автора строго научного подхода и критики источника (это, собственно, главное,

основополагающее правило для историка-исследователя, с которым знакомят студента истфака на первом курсе.) Но мой оппонент полагал, что если что-то лежит в архиве, то это уже бесспорная истина. Поэтому от редакторской работы второго тома «Истории Дании» я решительно отказалась.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ВСТРЕЧАХ СКАНДИНАВИСТОВ

Северная Европа, сложившаяся как особый регион, имеет свои специфические черты и интересы: здесь ярко выражена историческая, социокультурная общность, широко развернулись интеграционные процессы. В научных исследованиях северо-европейский регион нередко выступает как единый социально-исторический объект. Проблемы истории, культуры, права, международных экономических и политических связей стран Северной Европы рассматриваются комплексно как отечественными, так и зарубежными учеными.

Со времени первой встречи в Тарту в 1963 г. междисциплинарные научные конференции специалистов по истории, экономике, культуре, литературе и языку стали регулярными, они собирались с интервалом в три-четыре года в городах, где со временем сложились центры скандинавских исследований – в Москве, Ленинграде / Петербурге, Тарту, Таллине, Петрозаводске, Архангельске. Регулярно проходившие конференции, собиравшие до 250 участников из 36 городов и продолжавшиеся 3–4 дня, стали своего рода регулярным смотром сил отечественной скандинавистики и позволяли подвести некоторые итоги и определить основные направления дальнейших исследований.

Надо заметить, что уже с первой конференции главное внимание ее участников привлекали проблемы, которые рассматривались и на последующих встречах: периодизация истории стран Северной Европы, характер общественного строя эпохи викингов, норманская теория и образование государств на Европейском Севере, генезис скандинавского феодализма, шведский нейтралитет в новейшее время, Северная Европа в системе западноевропейской интеграции, скандинавская модель «государства всеобщего благосостояния», социальные движения, значение церкви, взаимоотношения церкви и государства, растущая роль женщин в современном обществе, соотношение общего и особенного в историческом развитии Северной Европы и многие другие.

Но особой стала тема взаимодействия нашей страны с северными соседями. Взгляд на соседа, образ соседа, культурное, экономическое, политическое и научное сотрудничество, историография – эти сюжеты постоянно привлекали наибольшее внимание исследователей всех профилей.

Кроме того, конференции в определенной степени способствовали созданию и росту новых крупных центров скандинавских исследований, какими стали университеты Архангельска и Петрозаводска: в Петрозаводском государственном университете с 2003 г. работает кафедра истории стран Северной Европы и с 2000 г. научно-образовательный центр по истории и культуре Европейского Севера Североевропейского открытого университета, при Поморском государственном университете (Архангельск) работает Русско-норвежский центр и открыто направление скандинавистики. Специализация области скандинавских стран и Финляндии стала в это же время динамично развиваться в Мурманском государственном педагогическом университете.

На последних конференциях, судя по программам, были представлены 23 города России: Москва, Петербург, Архангельск, Петрозаводск, Апатиты, Мурманск, Северодвинск, Ярославль, Тверь, Рязань, Сыктывкар, Иваново, Астрахань, Владимир, Нижний Новгород, Великий Новгород, Смоленск, Псков, Брянск, Липецк, Ульяновск, Самара и Ханты-Мансийск.

В программах последних конференций заявлены гости не только из бывших республик Советского Союза – Украины и Белоруссии, но и из дальнего зарубежья: Берлина, Рейкьявика, Рима, Стокгольма и Упсалы.

Начиная со второй конференции (1965 г.), оргкомитет по ее подготовке стал работать в Институте истории АН СССР, а после реорганизации 1968 г. — в Институте всеобщей истории при непосредственном активном участии Института российской истории и Отделения исторических наук. В 1993 г. в ИВИ был образован Центр истории и культуры Северной Европы, занимавшийся, в том числе, подготовкой очередной конференции. С годами формы работы конференции совершенствовались. Ко всем конференциям, начиная со второй, печатались тезисы предстоящих выступлений, на самой конференции работали девять секций: истории средних веков, истории нового времени, истории XX в., археологии, этнологии, экономики и географии, искусствоведения, литературоведения, языка.

Наши первые книги и конференции привлекли внимание к нам ученых скандинавских стран, там стали появляться рецензии на наши работы, но первая личная встреча со шведскими коллегами произошла в Москве, куда летом 1970 г. на Международный конгресс историков из Швеции приехала большая группа во главе с проф. Свеном Ульриком Пальме (кузен лидера социал-демократов и премьер-министра Швеции в 1969–1976 и 1982–1986 гг. Улофа Пальме).

Буквально накануне мне позвонил А.С. Кан и сказал, что мне необходимо выступить на встрече со шведами и рассказать, чем мы здесь живем, над чем сейчас работаем. А я, кроме как с Александром Сергеевичем, говорить по-шведски ни с кем не решалась, да и не было возможности. Первая моя недельная поездка в группе «научного туризма» в Швецию состоялась на рубеже 1967–1968 гг.: 23 или 24 декабря вылетели туда и в самых первых числах января — обратно. А первую научную командировку для работы в библиотеках и архивах я получила весной 1972 г. Так что до лета 1970 г. я никогда ни с одним шведом не разговаривала. Но Кан и слышать о моем отказе не хотел. Просто скомандовал: напишешь и прочтешь! Писала я тогда, как сейчас понимаю, топорно. Мне вообще было не до того, у меня отпуск. Но я понимала, как важно Кану показать, что у нас в структуре ИВИ есть руководимая им группа по изучению Скандинавских стран и Финляндии. В результате в один из дней Международного конгресса историков я выступила. Меня все же шведы поняли, завязалась беседа. И с тех пор у нас появилось много знакомых и даже друзей среди коллег-шведов.

В 1973 г. на нашу очередную конференцию по изучению Скандинавских стран и Финляндии, состоявшуюся в Таллине, проф. С.У. Пальме приехал со своими сотрудниками и докторантами, занятыми в проекте Стокгольмского университета «Швеция в годы Второй мировой войны» (*Sverige under andra världskriget, SUAV*). Часть из них уже защитили и издали свои работы, другие заканчивали. Я со многими из них была знакома, потому что их большой проект полностью совпадал с моей темой монографии, и когда я при первом знакомстве с докторантами SUAV сказала, что пишу об экономике и внутренней политике Швеции в годы Второй мировой войны, они посмотрели на меня так, как если бы я заявила, что пишу всемирную историю. У них эта тема была разделена на много тем, посвященных экономике, политике, характеру управления, всем политическим партиям и общественным движениям, и каждый докторант занимался своей темой. Например, Компартия Швеции в годы войны, общественное мнение Швеции во время советско-финской войны, шведское сельское хозяйство и снабжение населения во время Второй мировой войны и т.д. Всего к концу 70-х годов участники этого проекта издали не менее 20 монографий.

Приехавшие шведы решили показать нам класс, устроив совместное обсуждение работы докторанта Ивонн Хирдман. Мы с удивлением узнали, что диссертацию Ивонн они обсуждают уже в пятый раз. Возможно, такое пристальное внимание именно к этой работе было вызвано тем, что она была посвящена политике Компартии Швеции.

На встрече 1973 г. шведской стороной было предложено перейти в дальнейшем к двусторонним симпозиумам и впредь проводить регулярные встречи для обсуждения заранее выбранных трех проблем в течение трех дней заседаний.

Но конференции пока продолжались. В XXI в. состоялись в Москве, Петрозаводске, последняя, XVI, в 2008 г. в Архангельске. Она была организована Поморским государственным университетом им. М.В. Ломоносова совместно с ИВИ РАН. За 45 лет работы конференции количество ее участников значительно возросло, помимо девяти секций в ходе конференции, начиная со второй, работало еще четыре «круглых стола». Организовывать столь большие конференции становилась все сложнее. Таким образом, эпоха больших конференций скандинавистов завершилась, и тем самым завершился определенный этап в развитии отечественной скандинавистики.

Комплексные научные конференции сыграли большую роль в объединении научных сил и подготовке кадров, координации исследовательской работы. Объединение специалистов разных направлений содействовало в свое время изданию 33-х томов «Скандинавского сборника», коллективных трудов «История Швеции», «История Норвегии», «История Дании», с 1988 г. ИВИ РАН издает сборник научных трудов «Северная Европа. Проблемы истории», восемь томов которого вышли к настоящему времени.

Конференции отечественных скандинавистов способствовали развитию научных контактов с зарубежными коллегами, проявлявшими большой интерес к этим встречам и участвовавшими в их работе, начиная с 1971 г. В период, когда наши научные контакты были ограничены, и выезды в научную командировку были сопряжены с большими сложностями, личные встречи ученых имели огромное значение. В разные годы на наши скандинавские конференции приезжали и выступали с докладами:

из Швеции: профессора Свен Ульрик Пальме, Стен Карлссон, Свен Лундквист, Рольф Торстендаль, Александр Лойт, Биргитта Фритц, Ларс Лёнрут, Улла Бритта Лагеррот, Т. Линдквист, Ивонн Хирдман, Клас Петерссон, Альф Юханссон доктора Хелен Карлбек, Ларс Бьёрлин и др.;

из Дании: проф. К. Рабек Шмидт, доктора П. Хелбю и Бенгт Енсен, Лотте Хедегер и др.;

из Финляндии: профессора Туомо Полвинен, Х. Киркинен, доктора Суне Юнгар, Сеппо Хентия, Осмо Юссила, Ст. Дрейер, И. Хакалехто;

из Норвегии: профессора Хенри Минде, Пол Колстё, Енс Петтер Нильсен, доктора Т. Гортен-Гренвик, Ане Стальсбергер;

а также ученые — скандинависты из Германии, Великобритании, Польши, Чехословакии и Венгрии.

С российской стороны в конференциях также принимали участие известные отечественные ученые: академики А.О. Чубарьян, М.П. Ким, Е.М. Жуков, В.Л. Янин, И.Д. Ковальченко, В.В. Седов, В.М. Хвостов, академик АН ЭССР В.А. Маамяги, члены-корреспонденты АН СССР В.Т. Пашуто, Ю.С. Кукушкин, З.В. Удальцова, С.П. Карпов, член-корр. АН ЭССР Ю.Ю. Кахк и др.

Надо отметить, что благодаря конференциям расширившиеся контакты и знакомство с работами наших зарубежных коллег, заметно повысили уровень работ отечественных скандинавистов, которые смогли ознакомиться с новейшими исследованиями и архивными публикациями наших коллег — историков скандинавских стран, изучающих собственную отечественную историю¹⁰. Как заметил В.В. Рогинский, такое же позитивное значение имели расширившиеся контакты и для наших шведских коллег.

А следующим успешным этапом в развитии научных контактов российских и шведских историков-архивистов стала совместная подготовка и издание публикаций документов из архивов обеих стран: во-первых, об экономических связях Швеции и России в XVII в. и, во-вторых, о русско-шведских отношениях в 1809–1818 гг.¹¹

¹⁰ См. *Рогинский В.В.* Научное сотрудничество между историками СССР и Швеции. — Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988, с. 189–190.

¹¹ Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М. — Стокгольм 1978; Россия и Швеция: документы и материалы, 1809–1818 гг. М., 1985; *La Suede et la Russie. Documents et materiaux 1809–1818.* Upsal — Stockholm, 1985.

Обзоры работы конференций скандинавистов регулярно публиковались на страницах журналов и периодических изданий: «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», «Скандинавского сборника», ежегодника «Средние века», а также в научных журналах и периодической печати Швеции, Финляндии и других стран.

О договоренности на конференции в 1973 г. в Таллине шведские коллеги не забыли, и советская сторона получила приглашение на Первый шведско-советский симпозиуме весной 1976 г. в Стокгольме. С этой встречи и начинается история советско/российско-шведских симпозиумов историков и тем самым новый этап в развитии российско-шведских отношений историков, сыгравших заметную роль в дальнейшем развитии отечественной скандинавистики. Этому этапу планируется посвятить отдельную статью.